ВХОДЯЩИЙ

КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРГ

АННА ШОУ

Анна Шоу

Входящий. Каждый Четверг

«Автор»
2026

Шоу А.

Входящий. Каждый Четверг / А. Шоу — «Автор», 2026

Марина отвечает на десятки звонков в день. Работа как работа — заказы, адреса, чужие голоса в наушниках.Но один звонок ей не стоило дослушивать до конца.Ласковый старушечий голос. Странный заказ. Адрес, по которому уже одиннадцать лет никто не живёт.С тех пор каждый четверг в её наушниках раздаётся тот самый голос. Он знает, как её звали в детстве. Он благодарит её за то, что она не бросила трубку.И он совсем не собирается прощаться.

© Шоу А., 2026
© Автор, 2026

Анна Шоу
Входящий. Каждый Четверг

Глава 1.

Марина ненавидела четверги.

По четвергам народ будто с цепи срывался. Заказывали торты в никуда, ругались из-за помятой упаковки, дышали в трубку так, словно бежали за автобусом. К вечеру у неё гудела голова, а под лопаткой поселялась тупая ноющая боль, которую не брали ни таблетки, ни горячий душ.

В тот четверг она отсидела уже шесть часов. За окном офиса темнело — ноябрь в Казани падает рано и сразу, без предупреждения. В опенспейсе горели белые лампы, от которых лица коллег казались восковыми. Ленка справа монотонно бубнила в гарнитуру про сроки доставки. Слева пустовало кресло Артура — он вышел курить сорок минут назад и, похоже, решил не возвращаться.

Марина глотнула остывший чай и приняла следующий звонок.

— Служба доставки «Корзина», меня зовут Марина, слушаю вас.

Сначала ей показалось, что там никого нет. Только шорох, далёкий и сухой, будто кто-то водил ладонью по бумаге. Потом голос. Старушечий, тонкий, уставший.

— Доченька. Наконец-то.

— Здравствуйте. Хотите оформить заказ?

— Хочу, хочу. Пиши, доченька. Пиши, не отвлекайся.

Марина машинально потянулась к клавиатуре. Что-то в этом голосе было неправильное, но она не смогла бы сказать, что именно. Может, то, что он звучал слишком близко. Обычно слышно комнату — телевизор, улицу за окном, эхо кухни. А тут голос шёл словно из пустоты. Как будто женщина говорила, прижав губы прямо к её уху.

— Диктуйте, пожалуйста.

— Мука нужна. Два кило. Яйца, десяточек. Мёд, тёмный который, в баночке. Кагор возьми, доченька, обязательно кагор. Рис. Изюм чёрный, без косточек. Свечи есть у вас? Ну, нет так нет, ладно, свечи я сама. Блинов напечь надо. Кутью сварить. На девять дней-то как без кутьи.

Пальцы у Марины замерли над клавишами.

Кутья. Она знала это слово. Бабушка варила такую на поминки по деду, сладкую, липкую, с изюмом. Марине тогда было девять, и она запомнила навсегда, как взрослые ели эту кашу молча, не глядя друг на друга.

— У кого-то… девять дней? — спросила она и тут же пожалела. Не положено. Не её дело.

Женщина на том конце тихонько рассмеялась. Смех был странный, ласковый и одновременно такой, что у Марины по рукам побежали мурашки, крупные, холодные.

— У меня, доченька. У меня.

— Простите?

— Адрес пиши. Заводская, восемь, квартира одиннадцать. Домофон не работает, да он и не нужен, дверь открыта будет. Пусть заносит и на кухне оставит, на столе. Только пусть тихо идёт, на цыпочках. Он спит ещё. Не хочу, чтоб раньше времени проснулся.

— Кто спит?

Пауза. Долгая, вязкая. Марина услышала своё сердце — оно стучало почему-то в горле.

— Заказ оформляй, доченька, — сказала женщина мягко. — Время идёт. У меня его мало, а у тебя…

Она не договорила. Марина ждала, вцепившись в край стола, но в трубке снова был только тот сухой бумажный шорох.

— Ваш заказ принят, — выдавила она наконец. — Оплата при получении?

— Оплачено уже. Давно оплачено. Спасибо тебе, Мариночка. Ты одна меня дослушала. Все бросают, а ты дослушала.

Щелчок. Тишина.

Марина сорвала гарнитуру и несколько секунд сидела, глядя в монитор. Заказ висел на экране, оформленный, с зелёной галочкой. Оплата прошла. Каким образом — она не поняла, карту ей никто не диктовал.

И только по дороге домой, в промёрзшем автобусе, глядя на своё отражение в чёрном окне, она сообразила, что́ было не так.

Она не называла своего полного имени. Никогда не называла. По скрипту положено просто «Марина».

А женщина сказала — Мариночка.

Так её звала только бабушка. Бабушка, которой двенадцать лет как не было на свете.

Ночью ей снилась квартира, в которой она никогда не бывала. Длинный тёмный коридор, обои в мелкий выцветший цветочек, ковровая дорожка, вытертая до нитей. В конце коридора кухня, и там, спиной к ней, стояла маленькая сгорбленная фигура и что-то мешала в кастрюле. Мерно, по кругу, не останавливаясь. Марина хотела уйти, но ноги несли её вперёд, по дорожке, мимо закрытых дверей, за которыми кто-то дышал — медленно, тяжело, как дышат очень больные люди.

— Блины остынут, — сказала фигура, не оборачиваясь. — Садись, доченька. Нам с тобой теперь долго разговаривать.

Марина проснулась в четыре утра с колотящимся сердцем и мокрой спиной. Рядом ровно сопел Дима. За стенкой, в детской, тихо было у Соньки.

Она лежала и смотрела в потолок, уговаривая себя, что это просто нервы, просто усталость, просто дурацкая работа с дурацкими звонками. Подумаешь, бабка с поминками. Мало ли одиноких старух, у которых в голове всё перепуталось.

Уговорила почти. Даже задремала.

А утром, на планёрке, курьер Санёк — рыжий, вечно ржущий Санёк, который развозил вчерашнюю вечернюю смену, — сидел в углу белый, как молоко, и на все вопросы мотал головой. Старшая пыталась выяснить, куда делся вчерашний заказ с Заводской, почему не отмечен ни как доставленный, ни как отменённый.

Санёк поднял глаза. Марина никогда не видела, чтобы у взрослого мужика так тряслись губы.

— Я его занёс, — сказал он тихо. — Дверь открыта была, как договаривались. Я на кухню прошёл, поставил пакеты на стол. Тихо шёл, честно, тихо. А потом смотрю — на столе фотография стоит. В чёрной рамке. И на фотографии…

Он замолчал и посмотрел прямо на Марину. Через весь кабинет, мимо старшей, мимо девчонок с их кофе, — на неё одну.

— Чего ты на меня уставился? — Голос у Марины сел.

— Заказ кто принимал? — спросил Санёк. — Ты принимала?

— Я. И что?

Он встал, уронив стул, и вышел. Просто вышел, в куртке нараспашку, в ноябрь, и больше на работе не появился. Телефон его молчал, на сообщения он не отвечал.

А в обед старшая, ругаясь, полезла в базу разбираться с висящим заказом и вдруг притихла. Позвала Марину к своему столу. Ткнула пальцем в экран, и палец у неё, у железной тётки, которая за двадцать лет наслушалась всякого, заметно дрожал.

— Ты вот это оформляла?

— Ну я. Вчера, вечером.

— Марин. По этому адресу заказов быть не может. Дом-то стоит, а квартира одиннадцать… — Старшая сглотнула и понизила голос, будто их могли подслушать. — Мне Верка из соседнего отдела рассказывала, она в том районе живёт. Квартиру эту одиннадцать лет никто не открывал. Там бабку нашли когда-то. Мёртвую. Говорят, она год так пролежала, пока хватились. Опечатали и забыли. Наследников нет, никого нет.

Марина смотрела на экран. Зелёная галочка. Оплачено. Доставлено вчера в двадцать один сорок.

— Быть не может, — повторила старшая. — А заказ есть. И это ещё не всё, красавица моя.

Она отмотала список вниз, и у Марины медленно, страшно похолодели руки.

Заказы с Заводской, восемь, квартира одиннадцать, шли уже третий месяц. Раз в неделю, по четвергам, вечером. Хлеб, молоко, свечи, мёд. Аккуратные маленькие заказы одинокого пожилого человека.

И каждый — каждый до единого — был принят оператором Мариной Ветровой.

— Я их не принимала, — прошептала Марина. — Клянусь, я вижу их первый раз.

Старшая посмотрела на неё долгим взглядом. В этом взгляде было что-то такое, отчего Марине захотелось оказаться где угодно, хоть на том конце города, хоть на том конце земли.

— Записи звонков хранятся полгода, — сказала старшая. — Хочешь — послушай. Только, Марин… я одну вчерашнюю уже послушала, пока тебя ждала.

— И что там?

Старшая молчала. Потом взяла со стола свою кружку, увидела, что та пустая, и всё равно сделала глоток.

— Там нет никакой бабки, Марин. На записи ты разговариваешь одна. Сама спрашиваешь. И сама себе отвечаешь. Другим голосом.

Глава 2.

Три дня Марина держалась.

Ходила на работу, улыбалась Соньке за завтраком, кивала Диме, когда он рассказывал про свою стройку и прораба-идиота. Принимала звонки. Обычные, человеческие звонки — про торты, про гречку, про то, почему курьер опоздал на двадцать минут.

А внутри всё это время тикало. Тихо, мерно, как будильник под подушкой.

Ты разговариваешь сама с собой. Двумя голосами.

В четверг она не выдержала.

Дождалась, пока смена рассосётся. Ленка убежала первой, на ходу натягивая шапку и крича кому-то в телефон, что уже едет, уже почти в лифте. Потом ушли девчонки с дальнего ряда. Потом охранник Наиль прошёлся по залу, щёлкая выключателями, увидел её и вопросительно поднял брови.

— Мне отчёт доделать. Полчасика посижу.

— Смотри. Я внизу.

И всё. Пустой зал. Тридцать погасших мониторов, как тридцать закрытых глаз. Только над её головой горела одна лампа, и от этого темнота вокруг казалась гуще, чем была на самом деле. Где-то в глубине офиса урчал холодильник. Батарея под окном щёлкнула и затихла.

Марина открыла архив записей.

Доступ у неё был — старшая сама дала, швырнула на стол бумажку с паролем и сказала «слушай, если нервы крепкие, а меня в это больше не втягивай». С тех пор старшая с ней не разговаривала. Здоровалась сквозь зубы и смотрела мимо.

Записей с Заводской набралось четырнадцать. По одной на каждый четверг, три с половиной месяца. Первая — двенадцатое августа. Марина посмотрела на дату и почувствовала, как по спине, между лопаток, медленно ползёт холод.

Двенадцатого августа они с Димой и Сонькой были на море. В Анапе. Она физически не могла принять этот звонок — она лежала на пляже за две тысячи километров отсюда.

А запись была. И в записи стояло её имя.

Марина надела наушники. Пальцы не слушались, курсор прыгал. Она глубоко вдохнула, как перед прыжком в холодную воду, и включила первую.

Сначала шёл её голос. Обычный, рабочий, чуть усталый.

— Служба доставки «Корзина», меня зовут Марина, слушаю вас.

Тишина. Длинная, шелестящая. Марина ждала старуху — но старухи не было. Вместо неё, после долгой паузы, снова заговорила она сама. Только голос изменился. Стал ниже, глуше, слова тянулись, как через силу, как у человека, который долго молчал и разучился.

— Хлебушка… молочка… свечечки, если есть…

Марина сорвала наушники.

Сердце колотилось где-то в ушах. Это был её голос. Её, никаких сомнений — с её интонациями, с её лёгкой картавинкой на «р», которую она с детства стеснялась. Но говорила им не она. Так не притворяются. Так вообще не могут живые.

Холодильник в глубине офиса умолк. Стало очень тихо.

Она заставила себя слушать дальше. Вторую запись. Третью. Седьмую. Везде одно и то же — её рабочее приветствие, пауза, а потом её же голос, чужой изнутри, диктует мелкие стариковские заказы. Хлеб. Молоко. Мёд. Иногда голос забывал слова и мычал, подбирая, — и от этого мычания Марину мутило, потому что она узнавала его. Так мычала она сама, когда искала слово. Точь-в-точь.

На десятой записи чужой голос впервые заплакал.

— Холодно тут… доченька, холодно… печку бы…

И её собственный, рабочий голос — вежливый, по скрипту, будто ничего не происходит — ответил, что печек в ассортименте нет, могу предложить обогреватель.

Марина сидела, зажав рот ладонью. В пустом офисе, под одной лампой, в четверг, поздним вечером. И слушала, как она сама продаёт обогреватель мёртвой женщине.

Записи она щёлкала уже подряд, почти не дыша. Одиннадцатая. Двенадцатая. Голос в них становился крепче, увереннее, живее. Он больше не забывал слова. Он начал спрашивать. Сначала мелочи — как погода, доченька, дождик ли. Потом — как дочка твоя, Сонечка, не болеет ли. Потом — а муж-то знает, что ты по ночам не спишь.

А её собственный голос отвечал. Спокойно. Подробно. Рассказывал про Соньку. Про Диму. Про то, что окна на кухне дует и надо бы заклеить.

Она ничего этого не помнила. Ни единого слова.

Последняя запись в списке была не четверговая. Она стояла отдельно, внизу, и дата у неё была сегодняшняя. Сегодняшняя, четверг, двадцать три часа четыре минуты.

Марина посмотрела на часы в углу монитора.

Двадцать три ноль три.

Запись появилась в списке раньше, чем была сделана. Вот она — серая строчка, четыре минуты ровно. Запись разговора, который ещё не случился.

Надо было встать и уйти. Выдернуть наушники, схватить куртку, бежать вниз к Наилю, к живому человеку, к свету. Марина знала это так же ясно, как своё имя.

Но часы мигнули. Двадцать три ноль четыре.

И в наушниках, которые она так и не сняла, щёлкнуло.

— Служба доставки «Корзина», меня зовут Марина, слушаю вас.

Её голос. Прямо сейчас. Хотя она сидела молча, закусив ладонь, и её микрофон был выключен.

Тишина в наушниках шелестела, дышала, ворочалась. А потом заговорила старуха. Не через неё — сама. Тем самым голосом из первого звонка, ласковым и близким, у самого уха, словно она стояла за спинкой кресла и наклонялась к Марине через плечо.

— Долго ещё будешь притворяться, что не слышишь?

Лампа над головой мигнула.

— Я же вижу, доченька, как ты слушаешь. Все четырнадцать разочков. Аккуратненько, по порядочку. Хорошая девочка. Терпеливая. Я таких сорок лет ждала. Знаешь, сколько их было, до тебя? Трубку бросали. На третьем словечке, на пятом. А ты досидела. Досидела, дослушала, приняла.

— Что приняла? — прошептала Марина. Микрофон был выключен. Это не имело никакого значения.

— Придёшь — узнаешь. Заводская, восемь. Дверь открыта будет. Ты не бойся, доченька, я тебя не обижу. Я тебя выбрала.

— Я не приду.

Старуха помолчала. И в этом молчании было что-то терпеливое и жуткое, как у человека, который знает конец разговора наперёд.

— Придёшь, — сказала она наконец, почти нежно. — В следующий четверг и придёшь. Сама прибежишь, Мариночка. Потому что в среду вечером Сонечка твоя начнёт разговаривать во сне. Моим голосом.

Щелчок. Тишина.

Лампа над головой погасла, и Марина осталась в темноте, одна, посреди тридцати мёртвых мониторов. Где-то далеко внизу хлопнула дверь, и по лестнице загремели шаги Наиля — он поднимался спросить, скоро ли она, время-то позднее.

А Марина сидела и не могла разжать пальцы, вцепившиеся в край стола.

До среды оставалось шесть дней.

Глава 3.

Пятница прошла как в тумане.

Марина взяла отгул — соврала про зубного, и старшая подписала заявление, не поднимая глаз. Всем было легче, когда Марины не было в зале. Она это чувствовала кожей. Девчонки замолкали, стоило ей подойти к кулеру. Ленка пересела на дальний ряд, буркнув что-то про сквозняк.

Сквозняк. Ну да.

Дома было не легче. Дима заметил, что с ней что-то не то, ещё во вторник — она пересолила суп так, что есть его было нельзя, а потом полчаса стояла у окна и смотрела во двор, на пустую детскую площадку.

— Марин. Ты чего?

— Устала. На работе завал.

— Может, к врачу? Ты по ночам разговариваешь.

Она обернулась так резко, что заныла шея.

— Что я говорю?

— Да не разберёшь. Бормочешь чего-то. Про свечки какие-то. — Дима усмехнулся, но глаза у него не смеялись. — Ты не куришь там у себя в офисе чего-нибудь весёлого?

Она заставила себя улыбнуться. Улыбка вышла кривая, как приклеенная.

Про свечки.

В субботу она поехала искать Санька.

Адрес выпросила у кладовщика Рината — тот с Саньком приятельствовал, возил его как-то на дачу. Ринат долго мялся, чесал затылок, потом написал на бумажке улицу и дом.

— Только зря съездишь. Я к нему заходил в понедельник. Мать его дверь открыла, а он из комнаты кричит, чтоб никого не пускала. Совсем плохой. Мать говорит, ночами не спит,

свет не гасит. Соль по подоконникам рассыпал. — Ринат помолчал и добавил тише. — Слышь, Марин. А чего у вас там случилось-то? На том адресе?

— Не знаю, Ринат. Правда не знаю.

Санёк жил на другом конце города, в старой девятиэтажке у промзоны. Дверь открыла маленькая измученная женщина в халате, посмотрела на Марину и как-то сразу всё поняла.

— Вы с его работы?

— Да. Я Марина. Мне очень надо с ним поговорить.

Из глубины квартиры донеслось короткое и хриплое.

— Пусть уходит.

— Саня, я на минуту!

— Уходи! — Голос сорвался. — Я знаю, кто ты теперь! Я видел фотографию!

Мать беспомощно оглянулась вглубь коридора, потом на Марину, и в глазах у неё стояли слёзы. Марина шагнула вперёд, мимо неё, сама не понимая, откуда взялась смелость.

Санёк сидел в дальней комнате на диване, в углу, подтянув колени к груди. Взрослый здоровый мужик — а сидел, как ребёнок, который спрятался от грозы. Вокруг дивана, прямо по ковру, была рассыпана соль. Неровный белый круг. На подоконнике горели три церковные свечки, хотя за окном стоял белый день.

— Не подходи, — сказал он тихо. — Стой там. За солью стой.

— Саня. Что было в той квартире?

Он долго молчал. Смотрел не на неё, а чуть в сторону, ей за плечо, и от этого взгляда у Марины шевелились волосы на затылке — так смотрят, когда за спиной у тебя кто-то стоит.

— Чисто там было, — сказал он наконец. — Вот что самое страшное, понимаешь? Одиннадцать лет квартира стоит запертая, а там чисто. Пыли нет. Полы мытые. На плите кастрюлька, и от неё пахло. Кашей пахло, сладкой. Я ещё подумал, перепутал адрес, живёт себе бабуля. Пакеты поставил, повернулся уже уходить. И увидел стол.

Он сглотнул. Кадык дёрнулся.

— Стол накрытый стоял. На двоих. Две тарелки, две чашки. Блины горкой. И фотография в чёрной рамке, посерёдке, как положено на поминках. Я близко не хотел, а ноги сами поднесли. Наклонился.

— И что на фотографии?

Санёк перевёл взгляд на неё. В упор. И Марина поняла, что ответ она знает. Знала всю дорогу сюда, весь этот трясущийся час в автобусе.

— Ты, — сказал он просто. — Ты на фотографии, Марина. В чёрной рамке. Только старая. Лет на тридцать старше, чем сейчас. Но ты. Я твоё лицо из тысячи узнаю, я же с тобой три года на сменах.

В комнате стало очень тихо. Свечки на подоконнике горели ровно, не дрожа.

— А второй прибор… — Марина услышала свой голос будто со стороны. — Ты сказал, стол на двоих.

— Вот и я про то, — прошептал Санёк. — Она гостей ждёт. Она тебя ждёт. Уезжай, Марин. Забирай своих и уезжай куда подальше, пока…

Договорить он не успел. Свечки на подоконнике погасли. Все три. Разом, без сквозняка, без дуновения — просто стояли три огонька, и вот их нет, и три ниточки дыма тянутся к потолку.

Санёк закричал.

Марина не помнила, как выскочила из квартиры, как летела вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Опомнилась только на улице, на остановке, хватая ртом холодный воздух. Руки тряслись. В голове, по кругу, крутилось одно.

Стол на двоих. Фотография в рамке. Она ждёт.

Воскресенье, понедельник и вторник Марина прожила, как ходят по тонкому льду — мелкими шагами, не дыша, прислушиваясь к каждому треску.

Она не пошла в церковь, хотя думала об этом. Стояла перед оградой минут двадцать и не смогла зайти — что бы она сказала? Батюшка, мне звонит мертвая женщина на работу? Она купила соли, как у Санька, и высыпала на подоконник в детской, пока никто не видел. Утром соли не было. Просто не было, чистый подоконник, и Дима ничего не сыпал, и Сонька клялась, что не трогала.

Во вторник вечером она сидела на кухне до двух ночи и составляла список. Дурацкий, отчаянный список — что она знает про старуху. Выходило до смешного мало. Умерла одиннадцать лет назад. Лежала год, пока не нашли. Наследников нет. Заводская, восемь, квартира одиннадцать.

И тут её как током дёрнуло.

Одиннадцать лет назад. Она полезла в телефон, в календарь, трясущимися пальцами отмотала годы назад. Если старуху нашли в ноябре, а пролежала она год, значит, умерла она… Марина листала, считала, сбивалась и считала снова.

Четверг. Каким бы днём это ни было — по всему выходило, что тот день был четвергом.

Она звонит по четвергам, потому что умерла в четверг. День, который у неё остался. Единственный её день в неделе, как единственная комната в огромном пустом доме.

Марина сидела над телефоном, и ей вдруг стало не страшно, а нестерпимо, до кома в горле, тоскливо. Одиннадцать лет. Каждый четверг. Звонить и ждать, что кто-нибудь дослушает. И бросают, бросают, бросают трубку.

А потом она вспомнила фотографию в чёрной рамке и стол на двоих, и жалость смыло ледяной волной.

Среда наступила серая, мелкая, с дождём пополам со снегом.

Марина отпросилась пораньше. Приготовила Сонькин любимый ужин, макароны со звёздочками и котлету, посидела с ней над прописями, почитала на ночь про кота, который боялся пылесоса. Всё как всегда. Всё как надо. Сонька уснула на середине страницы, посапывая, подложив кулак под щёку, и Марина долго сидела на краю её кровати и смотрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.